

Бай-дао с живым интересом отнёсся к словам Цзянь Наня, улыбнулся и, повернув голову к Ли Чуаню, заметил:

— Характер у него чем-то похож на Фэй Тина.

Ли Чуань лениво развалился в кресле, услышав это, слегка приподнял бровь:

— Не похож.

Бай Цзинхуэй удивился:

— Почему?

— Потому что он упрямый.

— ...

Вот уж действительно, ты его слишком хорошо знаешь.

На сцене Цзянь Нань тем временем ощутило нервничал:

— Я что, сказал что-то не так?

— Нет! — Бай Цзинхуэй опомнился и посмотрел на него. — Всё верно, анализ отличный. Давай попробуем одну сцену, сыграешь отрывок.

Цзянь Нань кивнул:

— Хорошо.

Бай Цзинхуэй ещё заранее решил, какую именно сцену даст ему на пробу.

— Двадцать третья серия, — сказал он. — Сцена окончательного разрыва Фэй Тина и Лу Бэйпина. Попробуй её.

Это была сцена с участием многих персонажей.

Но игра «в пустоте», без реальных партнёров и реквизита, — обязательный навык для любого актёра.

Цзянь Нань опустил голову, мысленно прокручивая сюжет двадцать третьей серии. В ней Фэй Тин приходит в дом Лу, чтобы увидеться с Лу Бэйпином, и случайно становится свидетелем того, как тот собирается заключить помолвку с юной госпожой из рода Шэнь. Весь зал тогда смотрел на внезапно ворвавшегося Фэй Тина.

Все перешёптывались:

— Кто это?

А Лу Бэйпин спокойно объяснял:

— Старый знакомый. Мы не так уж близки.

Всего несколько фраз — и сердце разбито вдребезги. Фэй Тин при всех швыряет на пол нефритовый кулон, который когда-то получил от Лу Бэйпина, разбивает его — и этим ставит

точку.

Когда Цзянь Нань смотрел на сюжет двадцать третьей серии, она показалась ему пугающе короткой: реплик почти не было. Финал — Фэй Тин покидает дом Лу, харкает кровью и теряет сознание. Много действия, мало слов, но по визуальной силе и эмоциональному удару это был один из малых кульминационных моментов всей драмы. И чем меньше слов в кадре, тем выше требования к актёру.

— Начнём? — спросил Бай Цзинхуэй.

Цзянь Нань на ходу вытащил из кармана леденец, условившись про себя считать его нефритом, и кивнул:

— Да.

— Начали.

Одно слово — словно команда.

Цзянь Нань встал у самого края воображаемой двери, слегка опустив лицо, будто прислушиваясь к чьему-то разговору. Из «зала» доносились обрывки голосов, тихие и разрозненные. Он неподвижно стоял на месте.

Прошло несколько мгновений.

Он поднял голову, и глаза его медленно налились краснотой.

Слегка приподняв ногу, он за несколько шагов пересёк расстояние и вошёл в зал. В одно мгновение прежняя хрупкость во взгляде сменилась твёрдостью. Цзянь Нань поднял подбородок:

— Прошу прощения, что побеспокоил.

Внутри воцарилась тишина.

Он окинул взглядом пространство и наконец остановил его в одной точке. Оценив кого-то снизу вверх — будто там действительно сидела девушка, — он чуть усмехнулся:

— Не зря говорят, что вторая госпожа из дома Шэнь — истинная красавица, достойная всей Поднебесной.

Хорошему актёру достаточно пары фраз, чтобы втянуть зрителя в происходящее. Цзянь Нань обладал поразительной способностью передавать эмоции. Его дикция и техника речи были не безупречны, но это ещё можно было простить. По сценарию в этот момент окружающие должны были спрашивать о личности Фэй Тина, а Лу Бэйпин — вынуждено отречься от него.

Тишина.

Густая, давящая тишина заполнила зал.

Бай Цзинхуэй перевёл взгляд на руку Цзянь Наня, ожидая момента, когда тот разобьёт «нефрит». После этого сцена считалась бы завершённой.

Цзянь Нань сжимал и разжимал ладонь, в которой был кулон. Лицо его побледнело, вся фигура

словно сжалась от внутреннего напряжения. Разорившаяся семья, лицемерие окружающих, и теперь — любимый человек, который при всех отрекается от него. Гнев, обида, отчаяние — всё это хлынуло разом, так, что хотелось скрипеть зубами.

И вдруг...

Цзянь Нань медленно поднял руку.

Бай Цзинхуэй нахмурился.

Слишком поздно. Он тянет время, момент уже затянулся.

Но события пошли не так, как ожидалось.

Поднятая рука постепенно опустилась. Цзянь Нань сделал несколько шагов вперёд, будто подошёл вплотную к кому-то, и с хрустом сломал леденец.

«Трщцч!»

Сломанную конфету он с силой ударил о стол и тут же развернулся, уходя.

Он не бросил её.

Это не совсем соответствовало сценарию.

Но...

Так было куда более освобождающе.

Ли Чуань негромко постучал пальцами по столу. Бай Цзинхуэй рядом улыбнулся:

— Снято!

Сцена закончилась. Цзянь Нань остановился, но не поднял голову, а прислонился к стене, переводя дыхание, словно ему нужно было вырваться из только что пережитого состояния.

— Неплохо, — донёсся голос Бай Цзинхуэя.

Цзянь Нань всё ещё стоял, опустив голову. Ли Чуань встал и остановился перед ним, слегка наклонившись:

— Что случилось?

Ресницы Цзянь Наня дрогнули, и слёзы вдруг покатались по щекам. Он шмыгнул носом:

— Ничего.

Сидевший на местах жюри Бай-дао тоже заметил неладное. За свою карьеру он поставил немало спектаклей и сериалов и прекрасно знал это состояние — когда актёр слишком глубоко вошёл в роль и не успел из неё выйти. К тому же история Фэй Тина была чрезмерно трагичной: по сценарию, покинув дом Лу, он сразу же харкает кровью. На этом фоне несколько пролитых слёз выглядели вполне естественно.

Но с другой стороны, это ясно показывало, насколько серьёзно этот парень относится к игре.

Он по-настоящему понял Фэй Тина.

И в какой-то миг — по-настоящему стал им.

Бай-дао подошёл и мягко сказал:

— Отдохни немного, переведи дух, успокой эмоции.

Цзянь Нань кивнул.

Из всех присутствующих он оказался тем, чьё прослушивание длилось дольше всех. Снаружи ожидающие уже начинали перешёптываться и гадать, что же там происходит, но внутри зала кастинг всё никак не заканчивался.

— Нань-Нань, — вновь заговорил Бай-дао, — последний вопрос.

Цзянь Нань послушно поднял лицо:

— Какой?

— Ты знаешь, что Фэй Тин — молодой господин из консервативной, патриархальной семьи. В той ситуации он вполне мог пойти преподавать в частную школу, мог писать для газет, издавать книги. Почему же он выбрал именно сцену и пение в театре? — Бай Цзинхуэй смотрел на него спокойно и внимательно. — Дай мне ответ.

Цзянь Нань замер.

Он действительно никогда не задумывался об этом. В сценарии было лишь написано, что Фэй Тин, проходя мимо труппы, услышал мелодию, послушал её, рассмеялся трижды — и зашёл искать работу. На первый взгляд, в этом не было ничего особенного. Но теперь, когда вопрос был задан, Цзянь Нань буквально остолбенел.

И правда...

Почему?

Если Фэй Тин ненавидел выставлять себя напоказ, почему он выбрал именно такую профессию? Почему...

— Даю тебе пять минут на размышление, — неторопливо сказал Бай Цзинхуэй. — Если не ответишь — уходишь.

Цзянь Нань прекрасно понимал: это не шутка.

О режиссёре ходили слухи — в жизни он казался мягким и приветливым, но к актёрам

предъявлял чрезвычайно жёсткие требования.

Цзянь Нань поджал губы, чувствуя растерянность:

— Я подумаю.

Секунды утекали одна за другой. Стоя посреди зала, Цзянь Нань лихорадочно перебирал мысли. Режиссёр даже заботливо протянул ему сценарий, позволяя пролистать его в поисках ответа. Но сцена, где Фэй Тин попадает в театральную труппу, занимала всего одну страницу — хоть заучи её наизусть, ответа там не было.

Почему...

Почему...

Цзянь Нань заставил себя успокоиться и попытаться выстроить цепочку причин и следствий. Может, его подтолкнул Лу Бэйпин? Но это не сходилось: что в пении может быть такого, чтобы мстить или доказывать что-то? Да и актёры в республиканскую эпоху считались людьми низкого положения — разве это не повод для ещё большего унижения?

Как ни крути, подходящего ответа не находилось, а время безжалостно убегало. Казалось, что прошла целая вечность.

— Последние тридцать секунд, — напомнил Бай-дао.

Цзянь Нань с каким-то отчаянием захлопнул сценарий, поднял голову — и встретился взглядом с Ли Чуанем. Мужчина чуть приподнял веки и посмотрел на него. Тёмные, почти чёрные глаза-«цветки персика» были спокойны, как древний, неподвижный омут.

И почему-то — невероятно успокаивали.

Словно таблетка от тревоги.

Да. Там, где был Ли Чуань, ему становилось спокойно.

Успокойся.

Успокойся, Цзянь Нань.

Бай-дао следил за стрелкой часов, слегка постукивая пальцами по столу. Он уже собирался объявить «стоп», когда Ли Чуань вдруг заговорил:

— «Отец в этом году снова заказал мне «Троекратное Цветение Сливы» в подарок ко Дню рождения?»

Как только слова прозвучали, в комнате воцарилась тишина.

Это была почти ничем не примечательная реплика из первой серии сценария. Тогда она казалась совершенно проходной. Но если вдуматься... она имела огромное значение. Ведь позже именно в театре Фэй Тин встречает бывшую возлюбленную своего отца и через неё узнаёт правду об истреблении семьи Фэй.

Читая сценарий раньше, казалось, что Фэй Тину просто повезло.

А теперь становилось ясно — всё было заложено заранее.

Глаза Цзянь Наня загорелись:

— Он выбрал театр наполовину потому, что хотел найти зацепки и следы прошлого... а наполовину — потому, что с детства каждый год на День рождения слушал оперу. Это его тёплое, счастливое воспоминание.

Бай Цзинхуэй вздохнул:

— Нань-Нань, это уже нечестно.

Ли Чуань приподнял бровь:

— Почему нечестно? Я что, дал ему ответ?

— Ого, я ещё и слова не сказал, а ты уже бросился защищать, — усмехнулся Бай Цзинхуэй и повернулся к Цзянь Наню. — Если продолжать в том же духе, выйдет, будто я тебя притесняю.

Цзянь Нань смутился:

— Простите, режиссёр... я правда не смог сразу найти ответ.

Бай Цзинхуэй махнул рукой:

— Просто сценарий не до конца разобрал. А твой брат Ли — всё-таки киноимператор. Столько лет рядом с ним — неужели ничему не научился? В своё время в индустрии его называли «оживляющим роли»: какой бы персонаж ни попал к нему в руки, он начинал дышать. Единственный актёр, которого мой учитель Шан Уся лично хвалил.

Цзянь Нань искренне восхищался Ли Чуанем. Он почесал затылок:

— Я поздно пришёл в индустрию.

Бай Цзинхуэй улыбнулся:

— Ладно, иди. Пусть заходят следующие.

Цзянь Нань кивнул, поклонился и вышел. После всех этих испытаний он был выжат до предела — кастинг Бай Цзинхуэя оказался куда сложнее, чем он ожидал.

Дверь закрылась, и в комнате снова стало тихо.

Ли Чуань размял плечи и руки:

— Ну всё, продолжай. Я пошёл.

— ??

Бай Цзинхуэй прищурился:

— Сначала помог, а теперь «осла убил — ярмо выбросил»? Кто это говорил, что переживает, как я устану, и пришёл меня подстраховать?

Ли Чуань холодно усмехнулся:

— Ты уже всё решил. Дальше — чистая формальность, просто отыграть процесс. Разве это тебя вымотает?

— А откуда ты знаешь, что я его возьму? — Бай Цзинхуэй улыбался всё так же мягко. — Парень всё-таки ещё сыроват. Хотя он мне нравится, если появится кто-то более подходящий, я тоже буду рассматривать.

Ли Чуань поднял пиджак:

— Он может сыграть лучше. Просто перенервничал. Дай ему ещё немного времени — и он сам бы дошёл до ответа.

Бай Цзинхуэй, подперев подбородок рукой, внимательно посмотрел на него:

— Ты так печёшься о своем «бывшем супруге», что, не зная контекста, можно подумать, будто ты за ним ухаживаешь.

Комментарий автора:

Ли Чуань: «Поздравляю. Ответ верный».

<http://bllate.org/book/12642/1180294>